

А. С. ПУШКИН

О поэзии классической и романтической

Наши критики не согласились еще в ясном различии между родами классическим и романтическим. Сбивчивым понятием о сем предмете обязаны мы французским журналистам, которые обыкновенно относят к романтизму все, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое неточное. Стихотворение может являть все сии признаки, а между тем принадлежать к роду классическому.

Если вместо *формы* стихотворения будем [брать] за основание только *дух*, в котором оно писано, — то никогда не выпутаемся из определений. Гимн Ж.-Б. Руссо духом своим, конечно, отличается от оды Пиндара, сатира Ювенала от сатиры Горация, О с в о б о - ж д е н н ы й И е р у с а л и м от Э н е и д ы — однакож все они принадлежат к роду классическому.

К сему роду должны отнести те стихотворения, коих *формы* известны были грекам и римлянам или коих образцы они нам оставили; следственно сюда принадлежат: эпopeя, поэма дидактическая, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ироида, эклога, элегия, эпиграмма и баснь.

Какие же роды стихотворения должны отнести к поэзии романтической?

Те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзии греков и римлян: каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности. Взглянем на происхождение и на постепенное развитие поэзии новейших народов.

Западная империя клонилась быстро к падению, а с нею науки, словесность и художества. Наконец она пала; просвещение погасло, невежество омрачило окровавленную Европу. Едва спаслась латинская грамота; в пыли книгохранилищ монастырских монахи соскоблили с пергамента стихи Лукреция и Virгилия и вместо их писали на нем свои хроники и легенды.

Поэзия проснулась под небом полуденной Франции – рифма отозвалась в романском языке; сие новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значущее, имело [важное] влияние на словесность новейших народов. Ухо обрадовалось удвоенным ударениям звуков – побежденная трудность всегда приносит нам удовольствие – любить размеренность, ответственность свойственно уму человеческому. Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились *virlet*, баллада, рондо, сонет и проч.

От сего произошла необходимая натяжка выражения, какое-то жеманство, вовсе неизвестное древним; мелочное остроумие заменило чувство, которое не может выражаться триолетами. Мы находим несчастные сии следы в величайших гениях новейших времен.

Но ум не может довольствоваться одними игрушками гармонии, воображение требует картин и рассказов. Трубадуры обратились к новым источникам вдохновения, воспели любовь и войну, оживили народные предания, – родился ле, роман и фаблио.

Темные понятия о древней трагедии и церковные празднества подали повод к сочинению *таинств* (*mystères*). Они почти все пи-

саны на один образец и подходят под одно уложение, но, к несчастью, в то время не было Аристотеля для установления непреложных законов мистической драматургии.

Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы.

Мавры внушили ей исступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие востока; рыцари сообщили свою набожность и простодушие, свои понятия о героизме и вольность нравов походных станов Годфреда и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзии. Если бы она остановилась на сих опытах, то строгие приговоры французских критиков были бы справедливы, но отрасли ее быстро и пышно процвели, и она *является* нам соперницею древней музыки.

Италия присвоила себе ее эпопею. Полуафриканская Гишпания завладела трагедией и романом. Англия противу имен Данте, Ариосто и Кальдерона с гордостью выставила имена Спенсера, Мильтона и Шекспира, в Германии (что довольно странно) отличилась новая сатира, едкая, шутливая, [коей памятником остался Ренике-Фукс].

Во Франции тогда поэзия все еще младенствовала: лучший стихотворец времени [Франциска I]

Rima des triolets, fit fleurir la ballade¹.

Проза уже имела сильный перевес: Монтань, Рабле были современниками Марота.

В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Они пошли по дороге уже проложенной: были поэмы прежде Ариостова Орландо, были трагедии прежде созданий de Vega и Кальдерона.

Во Франции просвещение застало поэзию в ребячестве, без всякого направления, безо всякой силы. Образованные умы века Людовика XIV справедливо презрели ее ничтожность и обратили ее к древним образцам. Буало обнародовал свой коран – и французская словесность ему покорилась.

Сия лжеклассическая поэзия, образованная в передней и никогда не доходившая далее гостиной, не могла отучиться от некото-

¹ Слагал триолеты, содействовал расцвету баллады.

рых врожденных привычек, и мы видим в ней все романтическое жеманство, облеченное в строгие формы классические.

Р. С. Не должно думать, однакож, чтоб и во Франции не осталось никаких памятников чистой романтической поэзии. Сказки Лафонтена и Вольтера и Дева сего последнего носят на себе ее клеймо. Не говорю уже о многочисленных подражаниях тем и той (подражаниях по большей части посредственных: легче превзойти гениев в забвении всех приличий, нежели в поэтическом достоинстве).